Ворон

Жил-был царь. У этого царя ни сын, ни дочь. Стал он молебны служить: «Дай бог мне сына или дочь, при младости на утеху, при старости на замену». Бог дал ему девчонку. Эта девчонка на двор вышла, потерялась. Нигде не могли найти.

Опять стал царь молитвы служить: «Дай бог мне сына или дочь, при младости на утеху, при старости на замену. Умру — на царство посажу». Бог дал ему сына.

Этот сын большинькой стал, на дворе похаживает, лучком-тамарчиком постреливает, стал говорить: «Тятенька мой родименькой! Пусти меня в чистое поле, широко раздолье, людей посмотрю да сам себя покажу, сестру поищу!». — «Нет, говорит, еще мал».

Опять просится: «Тятенька, мой родименькой! Пусти меня в чисто поле, широко раздолье, людей посмотрю, да сам себя покажу, сестру поищу!». — «Ну, говорит, ступай, бог с тобой!».

Пояхал. Яхал-да, яхал-да, видит: город стоит. Прияхал к городу. Коню связал, в юрту вошел. Его сестра сидит. Напоила, накормила, запратала. Вдруг ветер стал, вдруг гром загремел, вдруг ворон прилетел. На дворе сел, одним крылом махнул — полдвора закрыл, другим крылом махнул — совсем закрыл. В юрту вошел: «Фу, говорит, баба́, чаво русским духом пахнет?». — «Нет, говорит, голову чесала да волосья в огонь бросала». — «Нет, говорит, врешь!». — «Нет, говорит, мамины мешочки трясла-да!». — «Врешь, убью, говорит, скажи!». — «Ну, говорит, брат мой приехал!». — «Чаво, говорит, таишься?».

Выдернула; вышел парень-от. «Баба́, говорит, поди мои орешки принеси». Пошла баба́, орешки принесла. Ворон всех съел — парень все-то одну ест. «Баба́, говорит, поди баньку истопи!». Пошла баба́, баньку истопила. Пошли. Ворон наперед ушел. Ворон пришел в баню, парень пришел. Парня за волосья поймал, давай драть. Драл-да, драл-да, до смерти задрал. Два те глаза выставил да на стенку прилепил, самого-то под полок бросил.

Пришел ворон. Баба-то говорит: «Где брат?». — «Твой, говорит, брат остался париться». Сдали, сдали: брат все-то ни́ту. Сдали, сдали. Пошла баба в

баню. В баню пошла, пришла: два глаза на стене, сам под полком лежит. Говорит: «Убил ведь! Нашто таишься?». Ну, сидят (т. е. живут).

Сар опеть молебны служит. «Дай бог мне сына или дочь, при младости утеху, при старости замену. Умру да на царство посажу!». Бог ему дал сына.

Этот сын, большинькой стал, лучком-тамарчиком постреливает: «Тятенька мой родименькой! Пусти меня в чисто поле, широко раздолье, людей посмотрю да и сам себя покажу, сестру поищу, брата». — «Еще мал», — говорит.

Опять стал проситься: «Тятенька мой родименькой, тятенька мой сердечненькой! Отпусти меня в чисто поле, широко раздолье, людей посмотрю да и сам себя покажу, сестру поищу, брата». — «Ну, говорит, бог с тобой!».

Пояхал. Прияхал. Видит, город стоит. Недалеко от города живут (т. е. существуют, есть) пастушки. Этим пастушкам дояхал, говорит: «Вы чьи пастушки?». — «Мы Ворона Вороновича семи городовича». — «Когда ворон-от родится, на пору годится. На ладонку посадим, на другую приплюшим мы с перстами, мокренько будет!». Прояхал он их. Прояхал. Приехал городу, коня связал, вошел в юрту. Его сестра сидит. Эта сестра его накормила. «Я тебя запра́чу!». — «Ну, како пратанье? Хошь ворон будет, дак чего доспеть?». Лежит на уруне (лавка или кровать). Вдруг ветер стал, громы загремели, тучи! Ворон прилетел, на дворе сял: одним крылом махнул — полдвора закрыл, другим крылом махнул — совсем двор закрыл. В юрту вошел. Поздоровались. «Здравствуй, зятенька!». — «Здравствуй, шуринок!». Поздоровались. «Баба́, говорит, поди мои орешки принеси!». Пошла баба, орешки принесла. Стали орехи есть. Ворон одну ел, парень совсем съел. «Баба, говорит, поди баньку истопи!». Баба пошла, баньку истопила. Пошли в баню. Парень наперед ушел. Ворон пришел назад. Ворон как ступил, парень за волоса поймал, давай драть. Драл-да, драл-да: живой. Опять стал драть, до смерти задрал. Два-те глаза выдавил да на стену прилепил, самого-то под полок бросил. Брата живой-молодой водой брызнул, брат говорит: «Фу, долго спал, бодро стал!». Сестру взяли, пояхали домой. Пояхали. Яхали, яхали. Видят, город стоит. Прияхали. Отец их, сар, живут. Царь да царица, поколь они ездили, ходят, ходят да трясутся (т. е. состарились), жили, жили, поживали да и теперь живут.

(Записано И. А. Худяковым в Верхоянском округе от уроженца с. Русское Устье)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.